

"Опять я в Симбирске"

Мир отмечает 225 лет со дня рождения Александра Пушкина. Александр Сергеевич гостил в наших краях в сентябре 1833 года. К сожалению, сведений об этом историческом событии осталось мало. Точно известны лишь дата приезда, некоторые детали пребывания Пушкина в городе, описанные им самим и очевидцами в письмах тех лет.

Курчавый шатен в черном фраке

Поэт готовился писать о Емельяне Пугачёве и собирал материалы о восстании.

От Санкт-Петербурга до Симбирска Пушкин проехал на почтовых лошадях более 1500 верст. По дороге он останавливался в Москве, Нижнем Новгороде, Чебоксарах, Казани. По словам Василия Нащокина, поэт "никогда не дождался на станциях, пока заложат ему лошадей, а шел по дороге вперед и не пропускал ни одного встреченного мужика или бабы, чтобы не поговорить с ними".

"Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, - писал Пушкин в "Путешествии из Москвы в Петербург", - как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор <...> - ничто, кажется, не изменилось. Однако произошли улучшения по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того что англичане называют comfort".

Работая над "Историей Пугачёва" и "Историей Петра", Пушкин особое внимание уделял архивным материалам. Он изучал и делал выписки: из бумаг о царствовании императора Петра Великого и из дел о Пугачёве.

Симбирянка Короткова, урожденная Габленц, спустя годы вспоминала: "В 1833 г. я жила с моим отцом в Симбирске, где тогда губернатором был Александр Михайлович Загряжский; у Загряжского была только одна дочь, с которой я в числе прочих городских барышень, училась у них в доме танцевать. Однажды осенью (1833 г. между 8-14 сент.) пронесся слух, что приехал сочинитель А.С. Пушкин; мы все взволновались от ожидания увидеть его, и вдруг входит в залу подоконник небольшого роста, в черном фраке, курчавый, шатен <...>. Мы все с ним познакомились и стали просить его потанцевать с нами; он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по несколько туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу". У губернатора Пушкин встретился с литератором И.А. Второвым. Поэт ему рассказал, что "был в Казани у Фукса и стоял рядом с Баратынским".

Через год после приезда Пушкина в Симбирск, секретарем Загряжского стал Иван Гончаров, в будущем известный писатель. В своих "Воспоминаниях" он изобразил Загряжского под вымышленной фамилией. "Он так же, как Онегин, помнил и все анекдоты "от Ромула до наших дней". У него в натуре была артистическая жилка <...>. Губернаторский дом был убран со вкусом <...>. Особенно коллекция картин в его кабинете была замечательна".

Четвертой на памятник

В 1833 году Загряжский от имени симбирских дворян подал прошение Николаю I о создании памятника Карамзину. 19 июля князь Пётр Вяземский сообщил другу Александру Тургеневу: "Знаешь ли, что вы, симбиряки, просили дозволения соорудить памятник Карамзину в Симбирске, и что государь очень одобрил сей проект? <...> На днях Вьельгорские братья, Пушкин и я давали обед Дмитриеву <...>, Блюдов предложил тост за благополучное окончание предприятия, задуманного симбирскими дворянами, <...> подал лист бумаги Дмитриеву, который подписал 500 рублей; <...> собрано 4525 рублей <...>. Ай да симбиряки! Спасибо!".

Пушкин внес на памятник 25 рублей. Монумент Карамзину был торжественно открыт в Симбирске в августе 1845 года. Пушкин считал, что "История Государства Российского" Карамзина "есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека".

В Симбирске под стражей Пугачёв находился дважды: в декабре 1772 года и в октябре 1774 года. В Яицком городке донской казак Емельян Пугачёв в конце 1772 года "поносил начальство и подговаривал казаков бежать в область турецкого султана", его отослали "под стражею в Симбирск, а оттуда в Казань". Во второй главе Пушкин описал бегство Пугачёва из Казани: "Однажды он под стражею двух гарнизонных солдат ходил по

городу для собирания милостыни. У Замочной Решетки (так называлась одна из главных казанских улиц) стояла готовая тройка. Пугачёв, подошел к ней, вдруг оттолкнул одного из солдат, его сопровождавших; другой помог колоднику сесть в кибитку и вместе с ним ускакал из города. Это случилось 19 июня 1773 года".

Вскоре Пугачёв объявил себя императором Петром III и возглавил бунт. В сентябре 1774 года предавшие Пугачёва казаки, среди которых был его любимец Творогов, привезли самозванца в Яицкий городок и передали капитан-майору Маврину. Когда Пугачёва везли из Яицкого городка в Симбирск его сопровождал Александр Суворов. В Симбирске бунтовщик видел академик Рычков, сын которого, полковник Андрей Петрович, комендант симбирской крепости, погиб, защищая подступы к городу.

В VIII главе "Истории Пугачёва Александр Сергеевич писал: "Пугачёв ел уху на деревянном блюде. Увидя Рычкова, он сказал ему: "Добро пожаловать", - и пригласил его с ним отобедать. "Из чего, - пишет академик, - я познал его подлый дух". Рычков спросил его, как мог он отважиться на такие великие злодеяния? - Пугачёв отвечал: "Виноват пред богом и государыней, но буду стараться заслужить все мои вины". И подтверждал слова свои божбою (по подлости своей, опять замечает Рычков). Говоря о своем сыне, Рычков не мог удержаться от слез; Пугачёв, глядя на него, сам заплакал".

Около месяца Пугачёв находился в Симбирске в деревянной клетке, его показывали народу на главной площади, а затем отправили в Москву. 10 января 1775 года Иван Дмитриев с братом приехал на Болото, где был воздвигнут эшафот. В записках "Взгляд на мою жизнь" Дмитриев вспоминал: "Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной величины сани, и в них сидел Пугачёв <...>. За санями следовал еще отряд конницы. Пугачёв, с непокрытою головою, кланялся на обе стороны, пока везли его. Я не заметил в чертах его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет, роста среднего, лицом смугл и бледен, глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, черные и небольшую бороду клином". Эти мемуары, завершённые Дмитриевым в 1826 году, в то время еще не были опубликованы.

С разрешения автора Пушкин воспроизвел в "Истории Пугачёва" отрывок из записок Дмитриева о казни самозванца и его соратников. В примечании к восьмой главе автор отметил, что "подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачёвым почти в тех же местах и с такими же ужасными успехами". Как и Разина в июне 1671 года, Пугачёва четвертовали в Москве в 1775 году.

"Много любопытного и оригинального"

Пушкин сообщал Тургеневу (не позднее) 9 сентября 1834 года: "<...> Само по себе разумеется, что Пугачёв явится к вам первому, как скоро выдет из печати. Симбирск осажден был не им, а одним из его сообщников, по прозвищу Фирска <...>". В это же время Тургенев делает запись в своем дневнике: "...к Пушкину. <Слушал не-сколько страниц Пугачёва. Много любопытного и оригинального. <...> сказав, что Пушкин расшевелил душу мою, заснувшую в степях Башкирии. <Симбирск> всегда имел для меня историческую прелесть. <Он устоял> против Пугачёва и Разина".

Осенью 1670 года Степан Разин целый месяц осаждал Симбирск, но защитники города одержали победу. Александр Сумароков в 1774 году издал "Сокращенную повесть о Стеньке Разине". В этом же году он сочинил "Станс граду Синбирску на Пугачёва", сравнил в нем Емельяна со Степаном Разиным:

Прогнал ты Разина стоявшим войском твердо,
Синбирск, и удалил ты древнего врага,
Хоть он и наступал с огнем немилосердо
На Волгины брега!

А Разин нынешний в твои падет, оковы,
И во стенах твоих окованный сидит.

В ноябре 1824 года Пушкин просил брата прислать ему в Михайловское книги, в том числе "историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории". "Песни о Стеньке Разине", завершённые Пушкиным в 1826 году, впервые были опубликованы только в 1881-м.

В Симбирске Пушкин общался со стариком Шуваловым - "живым свидетелем" пугачёвского бунта. Уже упоминавшаяся выше Короткова, вспоминала "Мы <...> усядемся на скамеечку у его ног и слушаем рассказы про старое время, по Пугачёва, у которого он был фореитором. Шувалов удостоился такой чести, вместо того чтобы быть убитым с прочими помещиками, за то только, что "показался Пугачёву плюгавым". Шувалову тогда было всего шестнадцать лет от роду. К этому-то Пугачёвскому фореитору, как я тогда слышала, сделал свой визит Пушкин, очевидно желая послушать его рассказы о Пугачёве.

"Я путешествую, кажется, с пользою"

11 сентября Пушкин решил съездить в имение Языкова, расположенное в 65 верстах от города. Он надеялся, что там встретится с Николаем Михайловичем Языковым, но застал Петра Михайловича - старшего брата поэта. Уроженец Симбирской губернии, Языков окончил горный кадетский корпус в Петербурге. Его женой была родная сестра декабриста Ивашева - Елизавета Петровна.

В семье Языковых Пушкин мог услышать историю любви дочери гувернантки Камиллы Ле Дантю к кавалергарду Ивашеву. Во время восстания на Сенатской площади Ивашев был у родных в Симбирске, его арестовали в Москве в январе 1826 года. Камилла Ле Дантю отправилась в Сибирь к нему, осужденному на каторжные работы. Там они обвенчались в сентябре 1833 года.

12 сентября Пушкин сообщал жене: "<...> Я путешествую, кажется, с пользою, но еще не на месте и ничего не написал. Я сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться. <...> Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнёва или Нащокина. <...> Целую тебя и всех вас - благословляю детей от сердца".

В тот день Пушкин вернулся из Языкова в Симбирск. Поэт отобедал у губернатора и отправился в путь, но вернулся в город. Свои дорожные приключения он описал в письме к Наталье Николаевне: "Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Черт его поberi, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей - гляжу, нет ямщиков - один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по шесть лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно - я заснул - просыпаюсь утром - что же? не отъехал я и пяти верст. Гора - лошади не взвезут - около меня человек 20 мужиков. Черт знает как бог помог - наконец взвезали мы, и я воротился в Симбирск <...>".

13 или 14 декабря Пушкин обедал в Симбирске у Александра Михайловича Языкова (современный адрес - ул. Спасская, 22, литературный музей "Дом Языковых"). Поэт "поражал всех присутствующий своим остроумием". Перед отъездом Пушкин посетил губернатора, который подарил ему карту Екатеринославской губернии 1821 года. Рукою поэта была сделана надпись на обороте: "Карта, принадлежавшая Императору Александру Павловичу. Получена в Симбирске от А.М. Загряжского 14 сент. 1833".

Впечатления о Симбирском крае отразились в повести "Капитанская дочка", которую Пушкин завершил 19 октября 1836 года. Несколько поколений семьи Гринёвых было связано "с Симбирской губернией", потомки Петра Андреевича Гринёва и Марьи Ивановны "благоденствовали" на этой земле.

Пушкин выехал из Симбирска 15 сентября. Вероятно, на пароходе поэт переправился на другой берег Волги. На пейзаже Пушкин изобразил склон горы, "Смоленскую церковь и дом Карамзина" (дом брата историографа - В.М. Карамзина). В начале XX века Смоленская церковь была разрушена из-за оползней.

Дорога от Симбирска до Оренбурга заняла более трех дней. Пушкин посетил Оренбург, Бердскую слободу и Уральск. На обратном пути 29 сентября он заехал в Языково ради встречи с другом - поэтом Николаем Языковым, Пушкин "застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело".

По материалам Всероссийского музея
А.С. ПУШКИНА.

